

ВЛАДИМИР ПОПОВ

“МОМЕНТ МИНСКИ”

Анатомия катастрофы

*...Никакого “распределения богатств” у нас нет,
да, сверх того, нет и никакого накопления богатств.
А есть простое и наглое расхищение.*

М. Е. Салтыков-Щедрин.
“Пошехонская старина”

“... Ездят теперь обедать не к Дюссо, а к Палкину... И даже икры против прежнего меньше”. Так отечественная словесность запечатлела невольную бережливость служителей маммоны, когда нечем стало пожить на биржах в стародавние времена Разуваевых и Колупаевых. Не в пример им Рублевка показала-таки нынешнему кризису “кузькину мать” в Куршевеле на глазах уже всей Европы. Раболепное новорусское телевидение с восторгом живописало новый “эконом-класс” ежегодной гульбы в пятизвездочных отелях горнолыжного курорта.

Не было на этот раз специальных чартеров из Белокаменной с икрой, закусками и скоморохами на потеху веселящимся. Чудили не так, как на Рождество 2008-го, но все равно антикризисная, с пляшущими девками на столах, “вечеринка” удалась на славу. Депутаты, банкиры, губернаторы с челядью заявились в Куршевель, дерзко ослушавшись наказа премьера правительства “не светиться”. Скромнее, господа, скромнее, коли кризис на дворе. И впрямь, 27 евро за вязанку дров для барбекю – какая же это роскошь?

“Вязанка дров” и интеллектуальная катастрофа

Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой.
Н. В. Гоголь. “Мертвые души”

Наломав изрядно дров в своих воеводствах, наша “элита” в Куршевеле выказала блистательное отсутствие чувства ответственности и даже отдаленного подобия нравственных угрызений. И западные, два сапога пара, будто бы респектабельные банкиры пустились во все тяжкие, выписывая себе многомиллионные бонусы из государственных стабилизационных кредитов. “Мы не заставим этих Панглоссов (отрицательный персонаж Вольтера. – **В. П.**) рас-

---

ПОПОВ Владимир Данилович — топ-менеджер, политолог и публицист, к. ф. н. Автор книг “Углеродородный “Третий Рим”, “Косово поле великороссов”, “Последние из великороссов?.. Мысли о немислимом”

считаться по тем 1000 миллиардам, на которые они нанесли ущерб обществу”, – высказался о нравах виновников мировой финансовой катастрофы французский экономист Даниэль Козн. Эта публика, дескать, уверена, что понесенные потери восполнит государство из средств налогоплательщиков.

Д. Козн сурово судит еще об одной – “интеллектуальной катастрофе” крайнего либерализма, в том числе, добавим, и нашего доморощенного, который правил бал последние два десятилетия. Его адепты все находят и находят оправдание своим прегрешениям и по-прежнему тешат себя иллюзией, что саморегуляция экономики непременно произойдет волею всемогущего рынка. На самом же деле – это грезы. “Прежние догмы перестали существовать”, – жестко заключает Козн.

Но, погодите, месье, не все светильники неолиберализма во вселенной угасли. Неподалеку от “антикризисных” вечеринок наших нуворишей в Куршевеле, на форуме в Давосе премьер Владимир Путин произнес речь, из которой явствовало, что российская власть не отдаст на поругание ценности реэкономии. “Такого от премьера, уверен, не ожидал услышать никто”, – невольно изумился репортер “Коммерсанта”. Впору, дескать, было вообразить, что незримое участие в написании путинского спича принял кремлевский “изгнанник”, а на мой-то взгляд – настоящий “арап” ультралиберализма Андрей Илларионов.

Это напоминало заздравную речь на мировых поминках по либерализму рейгановского толка. Пьер Розанваллон – один из самых глубоких современных исследователей природы капитала, камня на камне не оставляет от верований наших доморощенных заступников святости либерализма. И вот что он говорит: “Либеральная утопия рыночного общества совершенно чужда капитализму”. Ведь в его основании – классовый прагматизм буржуазии. И она может, дескать, поочередно придерживаться то идеологии свободной торговли, то протекционистских принципов, то этатизма, то антиэтатизма. “Совершенно бессмысленно критиковать капитализм за то, что он не следует в точности принципам экономического либерализма”. Розанваллон заключает: “Либерализм есть нечто призрачное вдвойне”.

Присутствовавших на давосской вечере российских олигархов речь Путина несказанно обрадовала и прямо-таки “воодушевила”. Это явление миру “нового и даже новейшего Владимира Путина” – бальзам на исстрадавшиеся сердца. Их просто окрылил безудержно либеральный пафос речи премьера. Тут же, в кулуарах, пошла молва, что давосская речь как бы антитеза его же знаменитой мюнхенской речи, которая так всполошила западный бомонд и повергла в молчаливое негодование весь Русланд.

Путин недвусмысленно и пылко порицал “слепую веру во всемогущество государства”. Твердо высказался против “чрезмерного” вмешательства государства в экономику. И даже жестко выговаривал мировой элите за отступничество: “Нельзя позволить себе скатиться к изоляционизму и безудержному эгоизму”, подразумевая под последним протекционизм. Премьер не без гордости поведает, что российское правительство самоотверженно не отступило ни на шаг от идеологии “открытых” рынков. Власть не дрогнула и не препятствует свободному движению капиталов, как и в годы бума. Выходит, утечка из России капиталов в 120 млрд долларов в прошлом году, в начале кризиса, не головотяпство, а сознательная жертва на алтарь либерализма. Как и те 2,3 триллиона рублей, хохом отданные коммерческим банкам, но так и не дошедшие до реального сектора экономики. И даже когда, наконец-то, завершилась “страда” валютных спекуляций на курсе рубля и маржа успешно снята менялами (до 300 процентов годовых), уполномоченные банки не смилостились кредитовать промышленность. О чем на людях неоднократно негодовали и президент, и премьер.

Видно, для острастки, чтобы опять “не заиграли” новые порции госкредитов. Краснопресненская набережная направила в офисы уполномоченных банков надзирателей от ФСБ и Генпрокуратуры. Как если бы банковские проводки стали бы визировать баскаки в “штатском”. Это живо напомнило мне советскую киноклассику, фильм “Юность Максима”: грозный пролетарий с маузером и революционным мандатом против сонма буржуазных банкиров – саботажников декретов новой власти. Как они глядели друг на друга исподлобья! Невольный и невеселый комизм новорусского римейка напомнил мне ту немую сцену.

Кредитной поддержки промышленности как не было, так и не случилось. Банки пронесли казенные деньги мимо. Между тем генеральный директор госкорпорации “Ростехнологии” вынужден назвать “убийственной” задолженность предприятий, входящих в госкорпорацию. За девять месяцев 2008 года она составила 625 млрд рублей. Лишь у 36% стратегических предприятий устойчивое финансовое положение. А около 30% балансируют на грани банкротства. Кредиты наших банков неподъемны для производителя, западные же кредитуют лишь “своих”, выполняя волю национальных правительств.

Отчего, черт подери, первыми в очереди за дармовыми “антикризисными” кредитами государства оказались те, кому в 90-е годы раздали в собственность крупнейшие госпредприятия? Просили “на бедность”? Так полюбопытствуйте, загляните в реестры выплаченных в последние три года нефтяного бума дивидендов владельцам и акционерам нефтяных и металлургических компаний. Барыши олигархов с лихвой превышают госпомощь! Да вот завывка: след тех дивидендов надо искать на счетах в офшорах. Это неприкосновенная “зачатка” олигархов на “черный день”. Во славу путинской присяге “цивилизованному” свободному движению капиталов.

Не валите все на Уолл-стрит

...Постоянная необходимость находить и создавать возможности для следующих банковских кредитов имеет эффект пристегивания... как работников, так и работодателей к упряжке экономического роста, целью которого является не то, что производится, а стремление помешать разрушению системы из-за недостатка ликвидности.

“Cambridge Medieval History”

“... Легкий толчок банкирским локтем” обрушил Уолл-стрит в “черный четверг” 1929 года. Процветание, бум в американской экономике мгновенно улетучились. Грянула Великая депрессия. А ведь ничто беды, казалось бы, не предвещало. Америка индустрия, обслуживавшая военные заказы стран-участниц Первой мировой войны, была сильна, как никогда. Потребительские стандарты высоки. Лихо явилось нежданно с фондовой биржи. Легкие кредиты в защищенной, как казалось, экономике Нового Света породили дикую спекуляцию. Добром это не могло кончиться. Президент Рузвельт обвинил в депрессии Федеральную резервную систему и финансовую олигархию: “60 семей контролируют богатства нации... Я намерен выгнать менял из храма”. В инаугурационной речи на Капитолийском холме президент Барак Обама почти слово в слово вторил рузвельтовским “святцам”.

Франклин Рузвельт “спас капитализм от капиталистов”, объявив Новый курс. Позднее это назовут “кейнсианской революцией”, не допустившей социалистическую, пришествие которой было более чем реально.

Полвека спустя “ветер вернулся на круги своя”. Последовала, в пятую, неолиберальная рейгановская революция, возведшая в абсолют “свободный” рынок, почти по Адаму Смиту. А мы в России на переходе к “дикому” рынку как раз и угодили в эту самую контрфазу – своего рода отмщение мировой финансовой олигархии Новому курсу. Однако, в отличие от Запада, у нас не оказалось противоядия против необузданных рыночных стихий. Мы, как всегда, на веру приняли, что государство на Западе “не вмешивается” в экономику. Идеология “открытых рынков” и монетарного равновесия задавали тон в российском Минфине и Центральном банке.

Дмитрий Менделеев, на рубеже веков обосновывая необходимость “умеренного” протекционизма для “позднего” и уязвимого российского капитализма, составил многостраничные таблицы сравнительных издержек индустриального производства в России, Америке и Германии... Его расчет таможенного тарифа был выверен под статью Периодической системе элементов. Столь необходимую скрупулезность и купеческую расчетливость “младореформаторы” безответственно подменили догмами “вашингтонского консенсуса”. Эта своего рода “выездная модель” МВФ стригла под одну гребенку Россию и... Боливию. “Открытость” без острастки. Жесткая привязка к доллару. Де-

нежное предложение ограничено лишь выкупом Центробанком валютной выручки экспортеров. Сдерживание инфляции единственно сжатием денежной массы. Вольготный режим для инвесторов-нерезидентов. Никаких препон к вывозу капиталов и прибылей.

В патетической саге “Олигархи” Дэвид Хоффман из “Вашингтон пост” живописал распаленных алчностью скоробогачей – “страстотерпцев” из частного клуба на Воробьевых горах, которые изучали потаенную толстую книгу из Госкомимущества. “Они не хотели затевать на пустом месте, когда столько прибыльных предприятий только того и ждали, чтобы их кто-нибудь прибрал к рукам...” Респектабельность и деловая сноровка – дело наживное, тем более что “отец” монетарного учения Милтон Фридман назидал: система свободного рынка работает настолько “хорошо и эффективно, что мы даже не осознаем, что она вообще действует”. В этом зачарованном благолепном состоянии российские олигархи и либеральные управители казны до последнего и пребывали, хотя финансовый барометр на Уолл-стрит уже явно предсказывал бурю.

Сведущие российские экономисты задолго до лета 2008 года, когда на российском фондовом рынке дела были еще в ажуре, настойчиво предлагали перевести экспортные сделки по нефти и газу с расчетов в долларах на рубли. “В противном случае российский фондовый рынок ждет обвал котировок”. Предостережение это явно было невпазд лихорадочной игре на повышение “голубых фишек”, и потому денежные власти заодно с крупным бизнесом, в гордыне своей, не вняли. Они всерьез уверовали, что российский фондовый рынок уже изжил свою худосочность. Но на поверку вышло, что Москва-Сити – всего лишь финансовая телега впереди тощей лошади – периферийный и беззащитный околоток не сравнимого по величине оборота американско-европейского и азиатских рынков ценных бумаг. Между тем европейские банки уже тогда испытывали растущие затруднения из-за происходившего исподволь сжатия денежной массы. Грозные предвестия глобального финансового кризиса уже давали о себе знать. Не было тайной для экспертов, что доля западных, в основном спекулятивных инвесторов на российском фондовом рынке составляла две трети. И в любой момент эти “летучие” капиталы могли быть отозваны. Ведь налоговых препон для вольготного вывода средств “варягов” почти никаких.

Еще до первых раскатов глобального финансового обвала нерезиденты, сняв “остатние” сливки барыша, спешно ретировались с рынка. А вскоре и котировки на РТС и ММВБ обрушились вчетверо. Ведущие преуспевающие российские корпорации вмиг потеряли на падении фондового рынка 250 млрд долларов капитализации. Вскоре и весь деловой мир, финансовые и товарные рынки накрыло настоящая “цунами” мирового кризиса. Однако потери на фондовых рынках Запада и Японии оказались кратно меньше, чем в России. Это и стало расплатой за преждевременную, охота пуще неволи, открытость незрелой экономики. Парадигма “породнения”, обмена активами с западным финансовым истэблишментом вышла нам боком.

Новая же “мастерская мира” Китай, львиная часть экономического оборота которого приходится на внутренний рынок, менее других страдает от ударов мирового кризиса. Китайская экономическая модель, в которой главный предприниматель и распорядитель государство, показала себя защищенной и устойчивой. А российская ультралиберальная модель с той простотой, что хуже воровства, построенная на валовом вывозе углеводородов, металлов, полупроводников и прочего сырья, словно в вольчью яму сверзилась.

Верно, кризис пришел извне, из Америки. Лопнул-таки спекулятивный пузырь ипотечного рынка на Уолл-стрит. Однако главный “сокрытый двигатель” стремительного разворота вспять российской экономики имеет *внутренний*, “домашний” завод. И те, и другие причины до сих пор не получили трезвого и взвешенного осмысления в российских верхах. И едва ли получают, так как это приговор выбранной в 90-е годы модели социально-экономического развития страны.

Почему экономика не чувствительна к антикризисным мерам правительства? Такое впечатление, что у кризиса своя, центробежная, неумолимая последовательность, а меры противодействия, весьма затратные, направлены как бы по касательной к центробежным силам, из-за которых экономика все пуще идет вразнос. О самой первопричине кризиса до сих пор власть ничего внятно не может сказать. Какой это кризис? Финансовый, структурный, циклический, цивилизационный? Утешились тем, что кризис – “залетный”, и эту, блин,

холеру, как на Рублевке толкуют, занесли к нам в отменно здоровую экономику из-за океана. И ничего не попишешь – глобализация, однако. Эта легенда вполне вписывается в риторический антиамериканизм, к которому российская власть с некоторых пор повадлива. На самом-то деле нынешний кризис имеет глубокую преемственную связь с злключениями российской экономики в 90-е годы, сокрушительными “свершениями” младореформаторов.

Глубокие предпосылки обрушения современного капитализма коренятся в самых его основаниях. “Капитализм – цивилизация, основанная на неравенстве и семейном состоянии, уходит в прошлое”, – утверждал еще в конце 40-х годов прошлого века выдающийся экономист Йозеф Шумпетер, имени которого, даю голову на отсечение, никто из наших “вождей” никогда и не слышивал.

“Властилина” – свояченица “Мэдоффа”

Повелено было, чтобы ни один король сего государства не должен менять или портить деньги или не должен чеканить деньги из чего бы то ни было, за исключением золота или серебра, без согласия всех графств.

Джонатан Свифт.
“Первое письмо суконщика”

“Для народа вредно оставаться зажиточным слишком долго”. Эту сентенцию приписывают сэру Монтегю Норману, управляющему Банком Англии в начале XX века. Найдется ли в наше время банкир, решившийся на столь неполицорректное и опрометчивое высказывание? Дельцы-олигархи старой закалки, ополчившиеся против Нового курса и считавшие Рузвельта “красным” смутьяном, конечно, ни сном, ни духом не ведали о предостережении старика Гегеля: “При чрезмерном богатстве гражданское общество недостаточно богато, то есть не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы бороться с чрезмерностью бедности и возникновением черни”. А Великая депрессия как раз сулила беспросветную участь “черни” миллионам рабочих и фермеров. Рузвельт же выволок из них новый “средний класс”. Он вернул им достоинство и достаток. Но только лишь Вторая мировая и так называемое военное кейнсианство правительства США окончательно разорвали мертвую хватку депрессии.

На преуспевании среднего класса десятилетиями держались мощь и процветание возрожденных Соединенных Штатов. Но оказалось, что все наоборот. Последователи завета сэра Нормана при первой же возможности резво отыграли назад... Еще в 80-е годы прошлого века началось обеднение среднего класса на Западе. Ему, правда, выпала передышка в 90-е годы после ухода со сцены стратегического противника – СССР. Шейлоковский “фунт живой плоти” Запад хищно урвал на ограблении активов взятой под “опеку” рухнувшей сверхдержавы.

Потребительский бум в Америке во времена президентства Клинтона, казалось бы, сызнова вернул среднему классу зажиточность. Пусть это и было благосостояние взаимны. “Мы тратим больше, чем зарабатываем, – горько сетовал консерватор Патрик Бьюкенен, автор памфлета “Смерть Запада”. – Потребляем больше, чем производим”. А проповедники глобализма, дескать, не моргнув глазом, нас уверяют, будто бы непомерный дефицит торгового баланса США “не имеет ни малейшего значения”. Нарцистическим типом американской глубинки стал не поджарый трудоголик в комбинезоне, а рантье, с ворохом вкладных в банке, уплетающий гамбургеры за чтением биржевых котировок.

“Стоит ли американский гений массового производства, на прежних успехах которого базируется весь оптимизм этого образа жизни, на пороге пагубного испытания?” – вопрошал Йозеф Шумпетер еще в годы американского лидерства. В середине XX века 96% всего, что потреблялось в Соединенных Штатах, производили американские рабочие, инженеры и фермеры. На свете была лишь еще одна такая, не столь богатая, но самодостаточная и быстро развивающаяся экономика – СССР. Все это теперь в безвозвратном прошлом. И Россию, и Америку грянувший мировой кризис застал в самый разгар неслыханного потребительского бума. Два миллиона новых бездомных должны были объявиться в американских пригородах, не выкупи федеральные власти их необеспеченные ипотечные долги. А разговевшийся на легкие

нефтедоллары средний класс в российских мегаполисах в одночасье словно заново окунулся в полымя дефолта 98-го года. И если уж Америка затягивает пояс, всем остальным что остается?

Руководители Мирового банка не на шутку встревожены тяжелыми социальными последствиями кризиса для развивающихся стран. Емкость мировых сырьевых рынков стремительно убывает. Кризис обернется для них падением экспорта, инвестиций и капиталов... Глава Мирового банка Роберт Зеллик в интервью "Уолл-стрит джорнэл" утверждал: самый тяжелый финансовый кризис после Великой депрессии делает неизбежным переустройство всего финансового миропорядка. Вновь избранному президенту США следует озаботиться, дескать, не только спасением финансовой системы Америки, но и решить не менее драматические проблемы реального сектора. И впрямь, вскоре не менее драматическая корректировка антикризисного "плана Полсена". Из 700 с лишним млрд долларов, которые Белый дом выделил на закупку "плохих" долгов по ипотеке и поддержание рухнувшей банковской ликвидности, часть средств перераспределится на поддержку реального сектора.

Глава Минфина Германии П. Штайнбрук недвусмысленно заявил, что эпоха "дешевых денег" осталась в прошлом. А источник и фокус неурядиц находится не где-нибудь, а в США. Глобальный кризис ускорил движение от самодержавия доллара к многоцентричной архитектуре мировых финансов. Мировыми резервными валютами в обозримой перспективе станут, наряду с долларом, евро, иена, юань... Уолл-стрит впредь не единоличный и непрекаемый властелин над "мировыми деньгами". "Магия финансов" вызывает уже не восторг, а лишь гневные усмешки и недоверие. Гротескным подтверждением тому послужила огорошившая весь деловой истеблишмент "афера Мэддоффа". И дело даже не в неслыханной величине (65 млрд долларов) потерь инвесторов, доверившихся респектабельному, как казалось, мошеннику. Таинственные, "секретные" финансовые технологии гуру лишь подтвердили, что на всякого мудреца довольно простоты. Странно, что виднейшие аудиторские компании Уолл-стрита так и не обнаружили "липу" в бухгалтерских книгах компании Мэддоффа. А по признанию самого афериста, его бизнес являлся изощренной, но старой, как мир, денежной пирамидой. Да, да, той самой, что в Подольске так ловко спроворила хозяйка знаменитой "Властелины", бывшаямышленная кассирша продмага.

"Мэддофф" — это казус, крайность, "цветочки". Дело хуже — под подозрением отныне и вся почтенная, но выродившаяся англосаксонская капиталистическая модель. Происхождение и закономерность мирового финансового кризиса раскрывает гипотеза финансовой нестабильности американского аналитика Хаймона Мински. По ней в периоды нездорового экономического роста на рынках разыгрывается дурманящая рассудок эйфория. Банки, заемщики, страховщики действуют наперебой, очертя голову, так как деньги и поручительства на рынке дешевы. Этот спекулятивный профит, в который вовлечены и акулы, и "плотва" бизнеса, волей-неволей поощряют финансовые власти. И так все благополучно длится, пока накопленная масса долгов не превысит способность заемщиков делать выплаты по кредитам из текущих доходов. И тут внезапно наступает так называемый "момент Мински". Спекулятивный рост цен на активы тотчас прекращается. Источники денежной "накачки" рынка мгновенно пересыхают. Кредиты и страховые обязательства "зависают". Волны паники инвесторов и игроков прокатываются по биржевым площадкам всего мира. Идет повальная распродажа акций, стремительно обесцениваются активы. Денежная ликвидность падает. Под ударом оказывается неизбежно и реальная экономика, и десятки миллионов домохозяйств.

Гипотеза Мински содержит еще и тонкость, которая объясняет, почему в западном угодили весь российский бизнес. Речь об искусительной премии *внешнего финансирования*. Суть ее в разнице между стоимостью заимствований капитала "дома" и за границей. Любой экономический шок, а десятикратный рост нефтедолларовых доходов России после 2002 года для нас именно "шок", имеет, оказывается, коварное свойство подталкивать страну к опрометчивому "агрессивному" развитию за счет внешних займов. Так оно и повелось: сумма корпоративных российских долгов за границей (более 500 млрд долларов) в какой-то момент бума почти сравнялась с резервами ЦБ. Займы под залог промышленных активов и экспортной выручки российский большой бизнес делал напраполю. А когда положительный "шок" в российской экономике вдруг

“вероломно” сменился на отрицательный, заемщики оказались несостоятельны обслуживать кредиты. Обесценившиеся в одночасье пакеты акций крупнейших российских корпораций теперь заложены-перезаложены, и только неслыханная по любым меркам финансовая помощь государства держит их на плаву.

Проницательная гипотеза Мински приоткрывает завесу над тем, почему американские власти все последние годы вовсе не стремились купировать раздувание угрожающих финансовых пузырей на финансовом рынке. Напротив, они, якобы следуя пресловутому *lasser fair*, сознательно давали волю рынкам самим доходить до “точки кипения”. Будто бы финансовые рынки, по благословению “невидимой руки” Адама Смита, “лучше знают” стоимость активов и распределяют ресурсы. Не прикрывали ли авторитетом автора “Богатства народов” сомнительные проделки мировых менял на фондовой бирже? “Сам Адам Смит априори не исключает вмешательства государства, если его цель помочь рынку заработать как рынок”, — находим на этот счет важную ремарку Пьера Розанваллона в его замечательной “Истории идеи рынка”.

Проглядели ли наступление “момента Мински” финансовые власти США и непубличные заправилы Уолл-стрит, или вовремя умыли руки? Наши “простецы” на Ильинке и Неглинной, как пить дать, проворонили. Иль они, надев на очи шоры, верноподданнически держались круговой поруки с пройдохой дядей Сэмом? Там, на Пятой авеню, риск обрушения курсов акций, который рикшетом ударит по реальной экономике, считался меньшим злом, чем остановка спекулятивного роста и дальнейшая возгонка финансовых индексов, дающих игрокам иллюзию, что рынки “процветают”.

Из гипотезы Мински следует, что управляемая из-за кулис финансовая нестабильность и есть способ существования “символических” капиталов, приносящих отнюдь не символические барыши. А рассчитывать за издержки кризиса, по правилам “казино-капитализма”, надлежит всему остальному миру. Только на этот раз “чародеи”-крупье хватили через край, и самой Америке приходится раскошелиться, заделывая зияющие финансовые бреши и спасая миллионы своих мелких вкладчиков и должников. Виртуальная и реальная экономика вошли в клинч. А англосаксонская спекулятивная модель утрачивает свою всеобщность. Между тем она ведь со всей торжественностью была навязана всему остальному миру как новое Евангелие. Невозмутимый Алан Гринспен, долгодетный глава Федерального резерва, весьма двусмысленно за нее “поручился”: “В отсутствие золотого стандарта нет способа сохранить сбережения от инфляции. Сегодня не существует устойчивых средств накопления”. И тем только распалил неврастению инвесторов. А коли так, чего же дивиться, что десятки миллионов мелких вкладчиков и даже управляющие “консервативных” пенсионных фондов, отдавшие сбережения в оборот темной биржевой игры, оказались теперь на грани разорения. По реалистическим экспертным оценкам, выздоровление американской экономики будет долгим, и “цена вопроса”, возможно, достигнет 10 триллионов долларов.

“Медведи” и “превратные толкования”

Все пойдет, как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет и в России.
Н. В. Гоголь. “Мертвые души”

“Порядочный человек никогда не заикнется, что цены на продовольствие растут”, — в пылу благонамеренности воскликнул персонаж Ярослава Гашека (“Заметки о борьбе с дороговизной”). — “А члены верхней палаты выразили доверие правительству вставанием...” Автор “Швейка” словно подглядел поведение “медведей” в Охотном Ряду и на Дмитровке. Законодатели в борениях против кризиса прибегли к “психолингвистическим” заговорам и табу, но не помогло... Тогда ретивое взыграло по-новому: постановили приравнять к “экстремизму”, покушению на основы уличных протесты против безработицы, дороговизны цен и коммунальных тарифов. Прокурорам на местах наказали вести дознание об “источниках”, откуда авторы “превратных толкований” в СМИ и неблагонадежные социологи извлекают сведения, что кризис не тетка, и тем самым подстрекают к бунту.

В одной уральской губернии власти круто распорядились приравнять к государственной тайне статистику роста безработицы. “Перегибы на местах”? Следование негласной директиве Центра? Второе более вероятно, в особенности если учесть, что “медведи” в Охотном тоже не сидят сиднем, а всерьез затевают посылку на места каких-то думских агитбригад для воспитания в избирателях навыков антикризисного благонадежного поведения и привычки к выживанию на подножном корму. “Медвежи” ухватки не годны оказались. “Заговаривать” кризис и скупердяйничать не выгорело... Останавливаются заводы и шахты, падает оборот и сбор налогов в областные и краевые бюджеты. Губернаторы взмолились о срочной подмоге. Правительство на этот раз остереглось и, задним числом перекраивая тришкин кафтан бюджета 2009 года, увеличило суммы финансовой помощи (трансферты) бюджетам территорий.

... У Гашека управляющий Земельным банком в горячке изрек: “Слухи о всеобщей дороговизне преувеличены, потому что даже деньги подешевели”. Похожая в чем-то несурзаица творилась до кризиса и в России, в разгар нефтяного бума. Цены на самые обиходные товары и услуги словно взбеленились. По дороговизне мы заткнули за пояс и западные столицы. А деньги, что рубль, что доллар, и в самом деле стали на Москве так “дешевы”, что спасу нет. За труппу в Капотне запрашивали цену выше, чем за виллу с бассейном в турецкой Анталье. Между тем “ножницы Кудрина” отсекали, не пускали в производительный оборот экономики до трех четвертей экспортной выручки за нефть. И все равно “голландская болезнь” и инфляционное давление только возрастали. Между тем вся российская глубинка как жила, так и живет на “медные деньги”. При десятикратном росте федерального бюджета со времен дефолта-98 в стране прозябающими остаются многие территории. И не в медвежьих углах, а в двухстах верстах от Белокаменной. Будто нам, в России, все не впрок?

Минфин — цитадель монетаристов — этаким отдельным флигелем рядом с чертогами путинской властной вертикали. Центральный же банк, по закону, и вовсе исполнительной власти не подотчетен. В мире независимый Центральный банк, такая уж за ним худая слава, — “учреждение, которое предоставляло возможность кредиторам подчинить себе нацию”. Российский ЦБ не был откуплен у государства частными менялами, и потому оставался бюрократической конторой. Однако его мнимо независимый статус всегда был в убыток российской экономике. Дефолт 1998 года, падение рубля, и теперь, десять лет спустя, новая катастрофа российских финансов — на совести банковской корпорации Неглиной, вкуче с казначеями Ильинки.

Никаких, однако, громких отставок! На первый взгляд, это непостижимо, и только укрепляет мое давнее убеждение, что надо проводить грань между профаническим упорством Кудрина и Игнатьева и той довольно тонкой и по-своему расчетливой игрой, которую, молчком, ведут наши сановные “монетаристы”. Ведь ни один из бюджетов последних десяти лет не был исполнен — хоть профицитных, хоть дефицитных. Каждый раз ЦБ с обещаниями устойчивости курса рубля и Минфин со своими бюджетными проектировками попадали пальцем в небо. Списать огрехи на некомпетентность? Скорее прослеживается последовательность плюшкинской, но только с виду, финансовой политики, которая сходила с рук во время бума и избытка денег в стране, но становится опасной в разгар острейшего экономического кризиса.

Президент Обама и Федеральный резерв действуют рука об руку, разгребая авгиевы конюшни рухнувшего финансового рынка. Белый дом доводит свою волю менялам на Уолл-стрит директивами. А в треугольник между Краснопресненской, Ильинкой и Неглиной — в эту святая святых любого суверенного государства — явно затесался кто-то посторонний...

“Делаются богатыми... во сне”

Они действовали совершенно простодушно, полагая, что обездоливают совсем не государство, а только казну.

М. Е. Салтыков-Щедрин.
“Благонамеренные речи”

Самый прямой и недвусмысленный ответ на причины незадачливости “либеральной” экономической модели властей содержится, на мой взгляд,

в “формуле Львова”. Дмитрий Семенович оставил ее нам словно в назиdание. Из доклада академика Д. С. Львова на Президиуме Российской Академии наук в 2002 году “Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России”: “Основной вклад в прирост совокупного чистого дохода России вносит не труд и даже не капитал, а рента, доход от использования земли, территории страны, ее природных ресурсов, инфраструктуры и т. д.”. По оценке академика, на долю ренты приходилось 75 процентов от общего дохода. Вклад труда в 15 раз (!), а капитала примерно в 4 раза меньше. Это достоверная “раскладка” чистого дохода некогда второй индустриальной державы мира кажется невероятной, обескураживающей!

К слову сказать, Джон Стюарт Милль еще когда нелестно отзывался о привилегии и неизбывном источнике преуспевания владельцев классической земельной ренты: “... Развитие нации, богатство которой увеличивается, создает во все времена стремление к повышению дохода собственников земли и дает им разом и больший доход, и большую часть национального достояния, независимо от всякой заботы и всякого риска с их стороны. Они делаются богатыми, так сказать, *“во сне, не работая, не рискуя, не сберегая...”* Конечно, не вполне справедливо отождествлять английского лендлорда-рантье с новорусским нефтепромышленником, дело которого требует затрат капитала. И всегда сопряжено с предпринимательским риском, фискальными “поборами” казны. Но если оглянуться на почти двадцатикратную разницу себестоимости нефти на устье скважины в Сибири и ценой барреля на Роттердамской бирже в июне 2008 года, то нет никакого повода усомниться, что именно вольготное и экономически неоправданное присвоение природной ренты, а не производительность капитала, и есть “золотое дно” сверхприбылей российской нефтянки. Между тем как раз здесь подноготная того, что на Западе не без злорадства называют “петростейт” — нефтегосударство. А в наших пенатах еще недавно велеречиво — “энергетической сверхдержавой”.

За минувшие после доклада Д. С. Львова шесть “тучных” лет соотношение труда, капитала и ренты в ВВП осталось, пожалуй, все тем же, ущербным. Если три четверти чистого дохода России — рента, а ведь мы не малонаселенные Эмираты, есть ли мало-мальски прочная экономическая безопасность у страны? И порука на будущее? Вопрос, увы, запоздалый и риторический.

Однако рассудим. В прошлом году, на излете долгого “красного лета” олигархов рекордная экспортная выручка Газпрома составила 64 млрд долларов. Но ведь заведомо известно, что цена на природный газ в Европе в текущем году упадет вдвое. Баррель нефти от головокружительных, пиковых значений июня-июля прошлого года уже подешевел в три-четыре раза! Так во сколько же крат падет реальный чистый доход страны? Алюминий, сталь, медь, никель, другие продукты валового сырьевого экспорта дешевеют на глазах. А сбыт и вовсе застопорился. Внутренняя свободная цена на газ вдруг сравнялась с регулируемой.

Между тем коренник российской экономики Газпром завяз на Ямале. Уже лет двадцать как запаздывает освоение промыслов, которые призваны возместить убыль запасов на Уренгое и в Ямбурге. В текущем году ожидается падение добычи нефти на 16 миллионов тонн. В нефтянке уже объявились убыточные компании. Вся отчаянная, последняя надежда, что цена барреля на рынках вновь поднимется к 50–60 долларам...

Если все эти сокрушительные ценовые и стоимостные “обломы” рынков сложить, то пуще панических прорицаний и гаданий на кофейной гуще холодный знаменатель простого арифметического счета. Величина рентных доходов экономики упадет по меньшей мере вдвое. Золотовалютные резервы, некогда третьи в мире, по необходимости будут издержаны на погашение корпоративных внешних долгов и “спасение” спекулятивного банковского капитала, которому на чфдин Кудрин посулил еще 40 млрд долларов подкормки. Заведомо меньше щедрот правительства достанется попавшим в тугой переплет предприятиям реального сектора. Положение градообразующих предприятий и вовсе отчаянное.

Вот в какую экономическую юдоль всеобщего разора завела нас идеология “открытых” рынков и самоуправство ее адептов. Экспортная зависимость одной только металлургической промышленности — за пределами — более 60 процентов. Между тем безопасной планкой экспортной зависимости любой развитой экономики считается 10–15 процентов. Искусительная “свобода тор-

говли” и “открытые рынки” – душа идеологии “глобализма”, по оправдавшемуся “злословию” Патрика Бьюкенена, – Большая Красивая Ложь.

Вся воспроизводственная структура нашей экономики, поверим на слово, “нечаянное дитя” приснопамятных “шоковых” реформ 90-х, осталась за все эти пропащие времена, по сути, неизменной. Будто сама нелегкая нас водила под руку. Жесткая и безоглядная экономическая политика власти, на поверку, “заточена” на погашение высокотехнологичных отраслей отечественной промышленности и, противоходом, на валовой вывоз сырья и полуфабрикатов. Эта злосчастная парадигма потерпела крах, но даже на ее дымящихся руинах олигархи не будут терпеть поущение власти постылому этатизму, то бишь госрегулированию. Они нам еще не раз напомнят, кто в доме хозяин. Хоть кол на голове теши, олигархи, биржевые игроки и правительство по-прежнему гнушаются старинным правилом русских деловых людей: “*Прозводи, а не маклери!*”

Туземные “монетаристы” на воеводстве с еще большим тщанием и упорством взялись за старое. В годы нефтедолларового бума они, подобно бобрам, ставили искусные запруды на пути движения рентных доходов в отрасли реального сектора и сельского хозяйства. Под предлогом подавления инфляции, впрочем, безуспешного. Примерно триллион долларов рентных доходов, приваливших России, начиная с 2002 года из-за “казусной” конъюнктуры цен на углеводороды и металлы, более чем достаточны были для инвестиционного структурного маневра. Этих накоплений хватало сполна на стартовый капитал революционной смены всего экономического уклада, чтобы в итоге доля труда и капитала в чистом доходе страны перекрывала “даровой” и ненадежный барыш природной ренты. Маху дали? На самом деле олигархия “сырьевиков” и их власть просто пренебрегла историческим шансом – из слепой алчности и мотовства.

Правительство изъяло из уставного капитала “Олимпстрой” миллиарды бюджетных средств. Правильно, что изъяло. Теперь самое время спросить: а вся эта сочинская панاما с Зимней Олимпиадой, смету которой на радостях раздули до 20 млрд долларов, не была ли внушением лукавога? На Северном Кавказе земля тлеет, безработица и нищета питают терроризм как доходный промысел. А правительство ассигнует сотни миллионов долларов кредита на строительство фешенебельного горнолыжного комплекса “Роза-хутор” – одного из нескольких. “В городе Сочи темные ночи...” – за версту отдает коррупционной поживой. Какой прок стране с этого, с позволения сказать, национального проекта? Власти города Ванкувер, в связи с кризисом, запросили четверть миллиарда долларов у правительства на покрытие расходов – и тоже Зимней Олимпиады. Сумма невеликая, но правительство жестко ответило, что не вправе “транжирить” средства налогоплательщиков на местные затеи и игрища... Нет такого “нацпроекта” в богатой Канаде.

А миллиарды, отпущенные Москвой на подготовку и проведение саммита АТЭС на острове Русский под Владивостоком? На месте полуразрушенных флотских казарм встанут пятизвездочные отели и раскинутся лужайки для гольфа... Ну, посудачат пару дней главы стран АТЭС о делах, облачатся для фото на память в расписные русские косоворотки... Стоит ли вся эта “престижная” показуха потраченных почем зря миллиардов? Может, у Дальнего Востока есть беды и нужды поважнее?

Кризис охолонил, кажется, неумную страсть бюрократии бросать на ветер деньги казны, но... “вопросы остаются...”.

“Керосиновая лавка” прогорела!

Три короля объявили мне, что за все их царствования они ни разу не назначили на государственные должности ни одного достойного человека, разве что по ошибке...

Дж. Свифт. “Путешествие Гулливера”

Сегодняшнее низвержение с небес происходит по той же траектории, что и бум, только вниз, кубарем. И нынешний переполох на Краснопресненской – настоящий Судный день для “экономики керосиновой лавки”, как автор этих строк прозвал путиномику в одном из своих памфлетов. “...Министр финан-

сов Алексей Кудрин, обычно не выходящий за пределы текущих бюджетных проблем, — цитирую по той публикации, — многих озадачил, что еще лет 50, по меньшей мере, наша экономика будет держаться на экспорте углеводородов”. Поразительная и тогда, на гребне головокружительного нефтедолларового бума, недалекость и “легкость в мыслях необыкновенная” путинского начфина, особенно гротескна на фоне сегодняшнего “внезапно” разразившегося краха “углеводородной” экономики. Прямо из-под рук изготовившихся долго пировать “бенефициаров” взяли и выдернули эту скатерть-самобранку. Куда подевалась горделивая блажь “энергетической сверхдержавы”? Верно, под стать незабвенной и непоколебимой бабушке из “Двенадцати стульев”, проживавшей на антресолях Вороньей слободки, что ни в какую “не верила в электричество”, наши государственные мужи ни сном, ни духом не ведали, просто вообразить не могли, что их процветающая “керосиновая лавка” прогорит в одночасье. А бюджеты, курсы акций, доверие к рублю и золотовалютные резервы будто провалются в бездну.

Между тем опрометчивость, да просто несуразность пафоса и легковесность расчетов путиномики гнездились уже на уровне простых понятий, словно нарочно вывернутых наизнанку. Ведь, на поверку, энергетическая сверхдержава вовсе не та, что распродает свои невосполнимые запасы углеводородов сырцом, а напротив, скупает их на рынке. Как, например, Япония, которая не добывает у себя на островах ни барреля нефти, ни кубометра метана, но потребляет около 10 тонн условного топлива на душу. Это и есть мерило энерговооруженности, развитости национальной экономики и высокого уровня жизни. Великой энергетической державой был и СССР, находившийся в первой тройке мировых лидеров по производству и потреблению энергетических ресурсов. Плановая экономика СССР обеспечивала еще и энергетические потребности всех стран СЭВ, Кубы и Вьетнама — по сходной цене, а то и в долг.

Сказочная цена барреля породила химеру “углеводородного” Третьего Рима. На самом деле, российская ультралиберальная власть отбросила страну в третий десяток развитых стран по душевому потреблению энергоресурсов... Кризис и обрушение нефтяных цен сорвали золоченые покровы путиномики, обнажив ее оскорбительную нищету.

“Угоревшие под игом стяжания”

...И тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует! ...который за один раз подорвет строение, над которым работал несколько лет!

Н. В. Гоголь. “Игроки”

Как же это наши олигархи так опростоволосились?! Кажется, лишь единственный из первой дюжины российских миллиардеров загодя, за несколько месяцев до биржевого краха, начисто распродал все свои активы в России и увел свое состояние, кэшем, на Запад. А ведь все они ребята не промах, ловкачи и затейники залоговых аукционов 90-х, а угодили, как кур в ощиц. Владельцы “Норникеля”, “Русского алюминия”, “Северстали”, заправили госкорпораций, банкиры и биржевые игроки — все дружно повелись на премию внешнего финансирования по Хаймону Мински. И заложили-перезаложили акции своих индустриальных вотчин в жажде все новых стяжаний аж в Австралии и Нигерии. В этой горячке и проморгали легкие, как облачко в небесной синеве, но верные предвестия надвигающегося финансового смерча на фондовых рынках, который унес их состояния. “Азартен ты, Парамоша!” — тотчас вспоминается ухмылка генерала Чарноты из булгаковского “Бега”, когда он ловко метал банк.

Но не одна только алчность — проруха всех на свете нуворишей повинна в том, почему наши олигархи угодили в силки, расставленные западными менялами. Время такое, когда физические активы — нефть, газ, никель, платиноиды — настоящее золото, в отличие от золота “бумажного”, — доллара. Каждый в отдельности и все вместе, олигархи оказались не способны к настоящему стратегическому менеджменту и здоровой оценке рисков. И не в том загвоздка, что нет среди них питомцев Иеля и Гарвардской школы бизнеса. Низкое происхождение их капитала — вот настоящая карма. “Эти люди настолько угорели под игом стяжания и до того лишены дара провидения, что никакие перспек-

тивы будущего не могут волновать их”, — подмечал Щедрин в пошехонских “пенкоснимателях”. Ни прибавить, ни убавить...

Задним умом все крепки. И только теперь всех осенило, что дешевые кредиты на Западе были сыром в мышеловке, как ни крути! И теперь самые ценные стратегические активы России — добыча “прихватизаторов” девяностых годов — в закладе у западных банкиров. Залоги под обеспечение кредитов обесценены вчетверо, а платежи заемщиков просрочены. Достояние России, которое отписали олигархам в конторе Чубайса в 90-е годы, может стать спорным имуществом, находясь в закладе у западных кредиторов. Такова расплата за “подлые займы”. Кажется невероятным, но близко к порогу неплатежеспособности подступил и Газпром. Управлявшие все эти удачливые годы гигантским хозяйством Газпрома дилетанты — выходцы из петербургского чиновничества средней руки, в легкую пустили по ветру огромные доходы и растратили капитал корпорации.

Этот “Орден столоначальников”, который В. Путин привел к вершинам власти, — порождение не столбовой, государственной ее ветви, а муниципальной. И этим все сказано. Знатоки циркуляров, искусники “прохождения” бумаг решили, на беду всем нам, привести дела в государстве, по своему куцему разумению, в надлежащий порядок. Как если бы вся Россия была Васильевским островом. Менеджмента государственного, промышленного, финансового, живого дела вообще, они, выходцы из присутственных мест Смольного, не знали, а десятилетие в верхах прошло для их голов, увы, даром. Так они и не удосужились выучиться науке государственного управления. Чисто по закону Паркинсона, все они, в иерархии, с неизбежностью стремительно достигли предела своей некомпетентности.

Цицероны у Рубикона...

Третьесортность стала принципом. “Даешь третий сорт!” — начертано золотыми буквами над главным входом.

Сирил Н. Паркинсон

...А на днях, читая на досуге Ортегу-и-Гассета, главу “Кто правит миром?”, нечаянно наткнулся на рассуждения, которые перекликаются с замыслом моего памфлета времен экономического бума, так и озаглавленного “Орден столоначальников” (“Углеродородный” Третий Рим”. Изд-во “Вече”. 2005 г.) Отправной точкой для моей полемической идеи послужила государственная мощь СССР на ее пике, а у Гассета — поздний Рим времен античности. У города на Тибре — “владыки Испании, Италии, эллинистического Востока” имелась слабость, которая, по мнению испанского философа, неумолимо влекла его к краху. Все общественные учреждения имперского Рима оставались муниципальными, неотделимыми от города, подобно “дриадам, которые увядают, едва оставив свое дерево”. В самом деле, великий Рим возник как город-государство по образцу римского полиса. Гассет тонко уловил противоречие между имперским и муниципальными модусами власти. Их роковую несовместимость, несоответствие даже в тех сравнительно простых условиях экономического уклада античного средиземноморья и управления многими иноплеменными провинциями Вечного города. Что же тогда говорить о Сверхгосударственности наших дней?

“Питерские” — типичные представители муниципального модуса власти, заведомо были негодны для управления имперскими структурами. Весь мой опыт деятельности управленца в советской номенклатуре и в нынешние “рыночные” времена вопиет об этом. Ведь Россия “постимперская”, вопреки “схеме”, в которую тщетно пытались втиснуть ее ельциноиды 90-х годов, так и не стала заурядным буржуазным национальным государством “новых русских”. В “Ордене столоначальников”, “не в гневе, но в печали”, я высказал гнетущее предчувствие, что такого покроя и амуниции власть не совладает с первой же большой невзгодой. Не говоря уже о последствиях для страны крушения всей мировой финансовой системы. Эта публика перед вызовом судьбы не только не решится перейти Рубикон, но и просто заплутает на пути к нему.

“Схватывать самую суть реальности в час смятения” было редким даром Юлия Цезаря, будущего императора. А ему противостоял, подмечает Гассет,

образцовый “интеллектуал” — сенатор города Рима Цицерон, который только и делал, что “все запутывал”. Выходцам из канцелярий Смольного, уверовавшим в грезы о России, — острове стабильности, тоже не дано “схватывать суть реальности” в лихие времена. Однако они и вида не подают. Тщета и незамысловатость — вот сугубое качество антикризисных идей и действий власти. И, как заговоренные, стоят на своем: “Москве быть одним из мировых финансовых центров”. Встать же лицом к лицу с грозными реальностями накатывающего девятого вала в экономике, который премьер почему-то витевато назвал “идеальным штормом”, духу не хватает. “Непризнание” реальности тесно сопряжено с бедностью руководящих смыслов. Чисто по Гассету, угнездившихся на властном Олимпе баловней судьбы мало беспокоит, что облюбанные ими идеи (“монетаризм”) могут быть неверны. Ведь для них идеи — попросту “окопы”, где спасаются от жизни или “пугала” (“госкапитализм”), чтобы ее, жизнь, отгонять. Неспроста мозговой штурм сановников правительства и Кремля в компании экспертов — поверенных олигархов в Красноярске, не породил никаких “прорывных” идей. Зато страшилки и клятвы остались те же, что и до обрушения “сырьевой” модели экономики.

Кризис бушует, а на слуху и на виду одни окол властные говорливые *цицероны*, безрукость и глухая свара выходцев муниципальной, “собчаковской” ветви власти, восседающих в золоченых белокаменных кремлевских палатах. Слышат ли они в своем поднебесье грозный гул низовых стихий кризиса? Как удары экономического бедствия сносят, не встречая противодействия осмысленной государственной воли, всю шаткую постройку путиномики?

Орден столоначальников — не просто землячество, а корпорация, узкий круг людей, волею судеб оказавшихся на вершине власти на одной шестой части земной суши. А либерализм и “монетаризм” для них — не мировоззрение, а что-то вроде фасона партикулярного платья, новая идеологическая выправка — знак причастности к неким “цивилизованным” западным ценностям. Как император Павел в Гатчине насаждал прусские артикулы, так и питерские — “рейганомику”, предтечей которой они невесть почему вообразили русского националиста-государственника Столыпина. Как на грех, на путинское правление пришелся самый “шоколадный” период отечественных хроник. На редкость безмятежное, “гульливое” время царило в Русланде до самой прошлой осени.

И вот это благолепие на наших глазах рушится, как картонная декорация в комедии-фарсе “Ширли-мырли”. И что мы видим? Трагикомедию бегства власти от действительности. В эти судные дни всеобщего замешательства мы все словно средь бела дня в темный колодец заглянули. И увидели на дне его, отраженной, физиономию власти. Ее, быть может, *потаенное*. У путинского “дуумвирата”, на поверку, не два оказалось лика — “либеральный” и “авторитарный”, “западнический” и “державный”, как морочит нас молва массмедиа. Идеологические “уклоны” и их соперничество в верхах больше кажущееся, чем всамделишнее. Суть, скорее, в *двоедушии* власти.

Одна ее часть, по всем статьям, — бизнес-корпорация, а вторая — сплоченная корпорация бюрократии. На попечении второй — казна, оборона, “социалка” и прочие обузы, вроде “коммуналки”, Академии наук и домов призрения, которые гибнут в пожарищах... Как вы думаете, в этом “диалектическом” двуединстве власти за кем право первой руки? Ответить, право, не просто. Однако то, что обе корпорации по-семейному радуют друг о друге — ни прибавить, ни убавить. Но вот пробил час — лихое время на дворе — экономика, финансы, гражданский мир и даже сама государственная целостность вновь поставлены на карту. И как же повела себя жестко и любовно выстроенная путинская “вертикаль”? Мы видим растерянность, непоследовательность, скудость в тратах *необходимых*, но в то же время щедрые казенные раздачи олигархическим кланам. И еще — уклончивое, приукрашенное осознание властью глубины и необратимости надвигающегося экономического бедствия. Ведь и впрямь, “скоро во всей России может не остаться и угла, не заложенного в казну”. А олигархи тут как тут, предлагают “честную” сделку: государство берет на себя их долги в обмен на акции предприятий, да так, чтобы контрольный пакет все равно остался за ними. И впрямь, “миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Все бери, что лежит перед тобой...”

Есть ли сила унять “самоотверженность” государственных мужей, которые готовы повесить на казну выплату 130 млрд долларов коммерческих долгов,

в основном зарубежных? Аттракцион невиданной щедрости! Между тем бюджет текущего года секвестирован, в нем обнаружилась прореха в 9 процентов ВВП. Лиха беда начало — какой способ экономии власть охотно пользует, известно наперед. Оберут, как всегда, малоимущих. “Не имеющий куска да потщится на свой кошт приобрести таковой” — негласный девиз социальной доктрины путинского режима. В ней скопидомство соперничает с сердобольностью. Так, от щедрот своих, правительство дополнительно выделило на пособия новым безработным, число которых приближается к 10 миллионам, жалкие 44 млрд рублей. Воистину, власть вместо хлеба камень положила в протянутую руку. Кудрин уже вкрадчиво заговорил о неизбежности внешних заимствований в 2010 году. С такого пошиба антикризисной стратегией России недолго пойти по миру.

“Топор безработицы бьет наотмашь”. Транснациональные компании из-за кризисного падения спроса закрывают предприятия за тридевять земель от своих штаб-квартир в лондонском Сити. Лакшми Миттал намеревается закрыть три шахты в Кузбассе, купленные прошлым летом у “Северстали”. В поселке под Питером разом закрылись глиноземный и цементный заводы. Хозяева, чтоб не терпеть убытки, оставили без средств к существованию все семьи в поселке. Западноевропейцу трудно и вообразить, каково прожить на 2 тысячи долларов годового пособия по безработице. А “попечители” на медные деньги ведут счет прожиточного минимума. Но есть еще и другая пагуба — структурная безработица. Президент Медведев призывает двигаться к “высокотехнологичному обществу”. И тяготы кризиса не должны нас отвратить от этой цели. Действительность и дела власти, однако, свидетельствуют, что движемся в попятную. Безработица “вымывает” остаточный кадровый потенциал военно-промышленного комплекса.

Создание одного рабочего места в высокотехнологичных отраслях промышленности стоит от 30 до 100 тысяч долларов. Самый дорогой и невосполнимый — человеческий капитал. Если сейчас не предпринять чрезвычайных мер по его сбережению, то на выходе экономики из кризиса утраты не восполнить никакими миллиардными вложениями. Что происходит? Под декламации об инновационной экономике бюджетные ассигнования на некоторые военные НИОКРы урезаны на 14 миллиардов рублей (“Версия”, № 11, 2009 г.) Под секвестр попала стратегическая программа создания отечественного истребителя пятого поколения. Власть США затратила на аналогичную программу десятки миллиардов долларов... Ставка — превосходство ВВС в воздухе и перспективные рынки. А Минфин, под сурдинку “экономии”, срезал ассигнования авиазаводу в Комсомольске-на-Амуре, где готовят к испытательным полетам истребитель пятого поколения. Если бухгалтерские “ножницы” нещадно стригут даже статьи расходов, относящиеся к национальной безопасности, как не усомниться в приоритетах антикризисного плана правительства.

Мы все только в начальную, не самой тяжелой поре остро экономического кризиса. Но уже наметилась ущербная тенденция, когда из-за безработицы и недальновидной “экономии” под угрозой расточения — инновационный капитал и фондоемкие рабочие места. Это уступка “рыночному” меркантилизму лишь ускорит скатывание России к колониальному пошибу сырьевой, периферийной экономики. Такой, где угасают высокотехнологичные уклады — наследие “сверхдержавы” СССР, а основной тип рабочей силы — в брезентовых рукавицах — занят добычей, первичной переработкой и транзитом сырья за кордон в развитые экономики.

Такую незавидную роль в мировом разделении труда сулит России и доклад Национального разведывательного совета США, только что представленный в Институте США и Канады. Название доклада “2025 год. Мир после кризиса”. Авторы предсказывают, что к 2025 году население России с нынешних 141 миллиона сократится до 130 миллионов. Нагадайте нам также “суровую нехватку рабочей силы”, в особенности высококвалифицированной. “...Если Россия не будет инвестировать в человеческий капитал, не перестроит научно-техническую базу”. Подмечено, что образование и здравоохранение в РФ неуклонно деградируют. У России, признают составители доклада, все еще сохраняется некоторый шанс удержаться замыкающей в восьмерке развитых стран, но... И без американской подсазки, уже по тому, как неприязнательны, но “уважительны” к узкой корысти олигархии “сырьевиков” хваленые антикризисные меры власти, догадываемся, куда нас заносит нелегкая.

Подковерная возня вокруг кредитов, субсидий и всякого рода пожалований большому бизнесу обнажает действительный, а не демагогический смысл пресловутого частно-государственного партнерства. Если борьба с кризисом и дальше будет сопровождаться опустошением казны, да еще с никудышными управленческими талантами кудриных и дворковичей, которые в затворничестве от бизнес-сообщества и вне контроля других ветвей власти кашевают, — пиши пропало.

Имеющие опыт управления крупными корпоративными финансами, предвидят, как мне представляется, два возможных исхода кризиса. Первый, на который власть “закладывается”, все еще лелея надежду: экономическая сверхдержава Америка разрулит коллапс мировых финансов, прежний спрос и цены на сырьевые товары возобновятся. И тогда после терпеливого ожидания на печи дела, глядишь, войдут в прежнюю колею. И снова нефтедолларовая манна привалит... Про такую “думку” власть предрержание проговариваются, а иной раз и без обиняков говорят, что надо *годить*, а не гоношиться. Нет политической воли к ломке бесперспективного уклада периферийной экономики, разворота к драматической парадигме, когда государство берет на себя ответственность за выживание народного хозяйства как целостности, а не отдельных рыночных субъектов-погорельцев. Если и существует на бумаге такой стратегический план, то остается тайной за семью печатями. Впрочем, сомнительно... Торжествует ветхозаветный аппаратный способ решения проблем — по мере их поступления. Наглядно для всех это выказала телекартинка совещания премьера правительства с нефтепромышленниками в Киришах, оставившая тягостное впечатление. Боссы нефтянки били челом, выпрашивая государеву милость еще круче скостить вывозные пошлины, акцизы, НДС, а последний хорошо бы и вовсе упразднить. И премьер тут же, на глазок (питерская школа), взвешивал и решал, какую просьбу уважить, а где нефтяники просят лишку.

По-настоящему же тревожит наиболее, на мой взгляд, вероятный исход кризиса. Мировая конъюнктура не возобновится еще невесть сколько лет. *Кризис переживут и восстановятся лишь те экономики, которые имеют сильный внутренний рынок, высокую долю добавленной стоимости в ВВП и жесткое госрегулирование.* И тогда участь России с нашей праздной и Не-Разлей-Вода с олигархическим капиталом властью незавидна. И если это кого-то и впрямь печалит, то тьму-тьмущую чиновников, опору путинской властной вертикали, уже не прокормить. А большинство занятых и безработных ждет скудная пайка середины девяностых годов, но при кусачих “мировых” ценах. Это Герман Греф неустанно хлопотал о таковых, все норовил очертя голову водвориться в ВТО. Грефомания — такая молва осталась о многолетних, образцово-показательных студиях бывшего главы Минэкономразвития. Давешние монетаристские стратегические разработки Александер-хауса кризис разметал по ветру — клочки по закоулочкам. Ан нет! Президент идеолога экономических реформ особо уважил и совсем недавно наградил Германа Оскаровича вновь учрежденным орденом Столыпина II степени. Стало быть, за немеркнущий вклад в создание либеральной экономической стратегии РФ. У нас что ни бывший районный юрисконсульт, то Сперанский!

От Лжеприватизации к Лженационализации

Прошедшее этих людей слишком свежо, чтобы они могли разом от него отказать.

М. Е. Салтыков-Щедрин.
“Дневник провинциала в Петербурге”

“Институциональные преобразования” в России — постыдная эпопея мародерства. Национальная экономика явилась для старателей в офисах внутри Садового Кольца тем же, что и золотая жила на Клондайке. Мы влачили через несколько этапов “реформаторства”. Первый — Лжеприватизация 90-х, когда госсобственность оказалась расхищена и обратилась в капитал олигархических империй, каждая из которых ныне государство в государстве. Потом под сурдинку парадигмы “новых государственников” была проведена Лженационализация. На самом деле — передел собственности ввавших в немилость нуворишей первого призыва, создание государственных корпораций, паро-

дий на корейские “чеболи”, оборот и прибыли которых с умыслом выведены из-под контроля государства. Госкорпорации, как и другие нововведения путинского президентства, – квазирыночные и по-своему загадочные. Полагаю, в остальном мире такого рода субъекты экономики не известны. С 2000 года создано семь госкорпораций, и все – на особицу. Права, полномочия, структура – разные. У “Олимпстроя” – один устав, у “Росатома” – вовсе другой... Функции государственного управления и коммерческие в госкорпорациях перемешаны. За этим, никак, творческое развитие знаменитого ноу-хау Бориса Березовского: все равно кто титульный собственник “актива”, важно, чья рука-владыка распоряжается оборотом и прибылью... Кризис и нехватки казны теперь подвигли власть упорядочить вольготный правовой статус госкорпораций, а то и вовсе их упразднить. “Коммерсантъ” на первой полосе сообщает, что под эгидой президентской администрации правоведа подготовили соответствующий проект.

Похоже, госкорпорации, на поверку, оказались тем, в чем их с самого начала и подозревали – заказником для кормления высшей бюрократии. Теперь же разворачивается очередная мистерия Лженационализации. На этот раз идет перераспределение из государственного в частный сектор экономики, под видом ее “спасения”, накоплений 2000–2008 годов, сказочной “кубышки” ЦБ и Минфина. Опасаюсь, что четвертого захода уже не будет. Экономика страны не потянет. “Бенефициары”, когда припечет, малодушно бросят пустую казну и дышащую на ладан депрессивную экономику и найдут отдохновение от трудов где-нибудь на берегах Темзы.

Невероятно, но уже 300 тысяч душ насчитывает новорусская община Большого Лондона. А ведь они объявились там не как горемыка принц Гамлет, который “голым высадился на берег вашего королевства”. Каждый из пришлых “москвитов”, сосчитали расчетливые британцы, привез в котомке из “Раши” от 5 миллионов до 20 миллиардов фунтов стерлингов. Представь себе, читатель, три подряд гигантские чаши “Уэмбли”, битком набитые состоятельными иностранцами, которые – через одного – тати, лихоимцы и укрыватели доходов от российской казны. Именно здесь, на туманном Альбионе, сегодня обретается чертова масса капитала, в поле тяготения которого обречена находиться российская власть со всем ее показным и вымороченным великодержавием. А ведь “Русланд” на Темзе населяют не эмигранты – беглецы от “преследований” не жалующего, якобы, демократию путинского режима (стратотерпец Борис Абрамович не в счет), а живущие припеваючи на два дома настоящие хозяева сегодняшней России. Что для них “дым Отечества”?

“Пошехонское отрезвление”

Политическая тупость сама по себе не была бы так опасна, если бы не происходила от тупости интеллектуальной и моральной, более глубокой и решающей.

Ортега-и-Гассет. “Восстание масс”

Крупнейшие российские сырьевые и инфраструктурные компании превратились в метрополии, для которых остальная страна – “колония”. Вывод, слов нет, жесткий. Но даже прикосновенным к казенным грантам “рыночникам”-аналитикам ныне хватает духу признать, что кризис только тогда окажется преодолем, если эти две выживающие врозь и вчуже части хозяйства страны вновь воссоединятся в единый экономический организм. Либеральный консенсус “верхних десяти тысяч” основательно поколеблен. Даже в Охотном из логова “медведей” слышатся, право, чудные восклицания в пользу неведомого им кейнсианства. Понимаемого, правда, на свой лад, как еще пушца свобода рук для начальства.

Между тем внешний платежеспособный спрос на продукты российского экспорта, за исключением природного газа, как отрезало. Оправдаются ли усилия, спешно предпринимаемые для восстановления внутреннего спроса? Есть испытанное мировое правило поддерживать равновесие в экономике, подвигая монетарные условия как можно ближе к “середине дороги”. Ответственные правительства не отступают от этого правила в попытках нарастить внутренний спрос. А у нас в годы бума несырьевые секторы, напротив, были

еще дальше оттеснены на обочину. Теперь, когда здание экономики ходуном ходит, монетарными припарками беде не поможешь. “Если нет достаточного спроса, — недвусмысленно утверждал Джон Гэлбрейт, — то, как показывает опыт Великой депрессии, даже самые низкие процентные ставки не могут стабилизировать нужного уровня инвестиций и тем самым двигать спрос. Стагнация будет продолжаться. Единственным средством остается *вмешательство государства*”. Из этой посылки, без оглядки на провалившийся либеральный “мейнстрим”, и следовало бы исходить. Однако поборники и законодатели идеологии либерального “дерегулирования” едва ли раскаялись и одумались.

Социальное мальтузианство въелось в тело власти, словно ржа! Но, как ни крути, разворот от Фридмана обратно к Кейнсу в Европейском экономическом сообществе не такое легкое поветрие, чтобы нашим “западникам” уж вовсе им манкировать. Волей-неволей придется в него встроиться.

“В связи с кончиной неолиберализма роль государства снова признается главенствующей, — недвусмысленно высказался применительно к повестке дня саммита G20 премьер-министр Австралии Кевин Радд. — Философия социал-демократии, устанавливающая баланс между частным и общественным, рынком и государством, зарплатами и прибылями ясно и четко демонстрирует соответствие ее нынешнему времени”. Как ни чужды социал-демократические подходы нашим “либеральным” верхам, идеологические фобии — побочку, потому что установление правильного баланса экономических сил и интересов и есть полная “цена вопроса”, которую все равно придется заплатить.

Механизм Сверхэкономики заклинило?..

Если допустить, что есть люди, находящиеся под гнетом истории, то надо допустить, что они, в свою очередь, гнетут историю.

М. Е. Салтыков-Щедрин
“Пошехонская старина”

“Прежние представления об экономике утратили смысл”, — утверждал выдающийся мыслитель Александр Зиновьев. Его мысли простирались дальше расхожих идеологов о “постиндустриальном обществе”. Зиновьевское видение глобализма было иным: в мире сложился уровень Сверхэкономики и Сверхгосударства, подчинивший и государство, и экономику. Воплощением его являются транснациональные компании (ТНК). Это настоящие экономические империи, которые властвуют над экономикой в ее “традиционном смысле”. Тоже самое со всей прямотой утверждал идеолог “постиндустриального” общества Дж. Гэлбрейт еще в начале 70-х годов прошлого века: “Многонациональные компании представляют собой замену рынка как метода организации международного обмена”. Риторика “свободных рынков” и “честной” конкуренции лишь для отвода глаз. Фактически и экономикой, и государством, и обществом в целом уже давно управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука Сверхэкономики, — Сверхгосударства. Исполнительным органом системы Сверхэкономики является *денежный механизм*.

Новаторские и жесткие, без экивоков, взгляды Зиновьева отмечают лицемерие и гордыню западного либерального мейнстрима и, заодно, интеллектуальное раболепие новообращенных “пошехонцев” перед всемогуществом “глобализма”. Его концепция остро полемична, но в пронизательности и глубине ей не откажешь. Да и сам Зиновьев настаивал: “Требуется научный (а не идеологический!) анализ реальности, чтобы прийти к полной ясности в ее понимании”. Грянувший ныне глобальный кризис вертикально структурированной Сверхэкономики, — наглядный драматический урок для нового осмысления действительных реальностей.

Итак, с этим всевластным денежным механизмом, по иному — “сверхкапиталом”, природа которого, по Зиновьеву, лишь *отчасти экономическая*, приключилась поломка. Его “заклинило”, как будто бы невзначай, из-за частности: лопнул раздутый сверх всякой меры пузырь американской ипотеки. И пошли вразнос глобальные рынки капиталов, акций, фьючерсов и деривативов.

Непубличные манипуляторы Сверхэкономики способны погашать спады и локальные возмущения вроде долгового кризиса 1997–1999 годов, зародившегося в странах Юго-Восточной Азии и перекинувшегося в Россию. На этот

раз масштаб потрясений не сравнить. Многие аналитики находят, что на самом деле речь идет об исчерпанности самой модели глобального рынка, которой сулили долгую-долгую жизнь. Мировые ТНК, вытеснившие из пространства развития большую часть обитаемого мира за пределами “золотого миллиарда”, в отместку натолкнулись на последний предел совокупного спроса.

“Это не финансовый кризис, а кризис перепроизводства” – в том же духе высказался и один из капитанов российского бизнеса Олег Дерипаска на форуме АТЭС (“Коммерсантъ”). Ступор финансового кризиса в одночасье подкосил мировой совокупный спрос. И горы невостребованного рынком, кратно упавшего в цене алюминия, стали, меди, никеля, растут. “Стоки забиты...” – сетует Дерипаска. И ничего не остается, дескать, как погашать неэффективные мощности, которые вовлекли в дело во время бума. Легко сказать – “погашать”! В текущем году в России окажется до 10 миллионов безработных. Прокормят ли они на 4900 рублей “увеличенного” пособия свои семьи? В каком-то смысле разор и безденежье начала девяностых не так были невмоготу. Ведь тогда во многом еще цела была советская бесплатность и дешевизна всей системы социальных услуг и систем жизнеобеспечения. А ныне все про все по “рыночной” запредельной цене – от лекарств до тепла в домах и проезда в метро.

Если нажитая во имя пресловутой “открытости” экспортная зависимость экономики страны с населением 142 миллиона человек – до 50 процентов, на кого пенять?

Далекое от казенного оптимизма эксперты предрекают, что наша до крайности зависимая от внешнего рынка экономика пройдет через *несколько волн сжатия спроса*. Так было и в Америке во времена Великой депрессии. Спираль спада неподатлива мерам противодействия, даже если речь идет о десятках миллиардов долларов государственных субсидий и других протекционистских мерах государства... Наконец, не в нашей воле, по Высоцкому, зарекаться: *“прочь влияние извне!”* – внешний фактор все-таки предопределит течение кризиса в России. А если из низшей точки рецессии мировая экономика выйдет не в восстановление, а в длительную депрессию? России ничего не останется, как не на словах, а на деле откеститься от неверной, шальной парадигмы энергетической сверхдержавы. И заново создавать более жизнеспособную экономическую модель.

Практичный и единственно плодотворный выход из межеумочного положения между лопнувшим бумом и маячащей на горизонте депрессией – *энергичная реиндустриализация, восстановление утраченных технологических укладов экономики, лежащих в основе всего жизнеустройства*. “Русский алюминий” под опекой государства – на смычку с прозябающей и едва не погубленной отечественной авиакосмической промышленностью, в советское время второй в мире по технологическому потенциалу. А пока же, глядишь, в теленовостях неуместные телячьи восторги по поводу того, что почти весь российский титан – сырьем и в отливках, на корню, благополучно за продан “Эрбасу” и “Боингу”.

Взаправду ли речи на заседаниях у премьера правительства о восстановлении дышащего на ладан сельскохозяйственного машиностроения? Насыщении капиталом и субсидировании нищего аграрного сектора экономики с его 900-миллиардными долгами? На слуху же, однако, свертывание и урезание новых инвестиций.

Для преодоления спада в промышленности разумно выстроить новый вектор антикризисной программы: вытеснение дорогостоящего импорта сравнительно простых индустриальных продуктов, которые СССР поставлял всему миру – тракторов, грузовиков, экскаваторов, локомотивов, турбин, бурильных станков... Вся эта созидательная программа, обеспеченная ресурсами, структурная ломка экономического уклада (не путать с пресловутым младореформаторским “творческим разрушением” 90-х годов) – востребованный ответ нации на вызов глобального кризиса. Если структурный маневр импортозамещения инвестиционных товаров предыдущего технологического уклада окажется по плечу, то следом и прорыв в экономику хай-тэк – не одни только “платонические” мечтания власти. Это и было бы в реальности то преобразование экономики в годину ее острого нездоровья, которое Й. Шумпетер прозвал, парадоксально, *целительной рецессией*. Но, увы, “у либералов все смутно, все спутано, все бледно... – некогда подмечал русский философ

Константин Леонтьев. — Система либерализма есть в сущности отсутствие всякой системы...

Обязанность государства — восстановить, пусть мерами экономического принуждения, унию финансового и промышленного капитала. Потребуется сильная политическая воля для того, чтобы разорвать коррупционную связку государственной бюрократии с олигархическим бизнесом. Лоббисты последнего будут, конечно, противиться. Всеобщий коррупционный налог в 1/5 национального дохода должен быть вытеснен правовыми, в том числе карательными средствами, и обращен в инвестиционный ресурс.

Ко всему этому следует прибавить и обязательную репатриацию, проще говоря, возвращение домой всех “беглых денег”, тех самых десятков миллиардов долларов барышей олигархов и теневых “доходов”, укрытых в офшорах на счетах и в обороте так называемых управляющих компаний. Последние распоряжаются капиталом российских дельцов и сановников, что с ними “в доле”. Репатриация и раскрытие офшорных “зачеков” должно было бы стать предварительным условием неотложной финансовой помощи банкам и корпорациям из государственных резервов. В чрезвычайных условиях кризиса это вовсе не “произвол”, а правомерное требование к бизнесу раскрыть карты и вернуть капиталы домой. Однако денежные власти не посмели... А след исчезнувших, как в прорву, триллионов рублей госкредитов, похоже, надо искать в тех же заморских краях.

Не было печали, наши “эффективные собственники” только было приладились “осваивать” задешево золотовалютные резервы государства, как плохие вести пришли от цюрихских “гномов” и банкиров королевства Люксембург. Президент Обама удумал-таки упразднить “священную” банковскую тайну вкладов, чтобы прикрыть лазейки для укрытия доходов от всевидящего ока американского налогового ведомства. По требованию Белого дома 50 тысяч счетов в одном только швейцарском банке с подмоченной репутацией скоро “засветят”. А там, глядишь, и до офшоров доберутся... Если такое, не приведи Господи, “святотатство” случится, это и будет верный знак, что Вашингтон не на шутку взялся за чистку авгиевых конюшен большого бизнеса.

Удружил, конечно, друг ситный Обама нашим “законникам” во власти. У нас-то налоги с “беглых денег” платить никогда заведено не было. А теперь, господа, как быть? Пошли толки, будто с самого кремлевского верха фельдъегеря разнесли по начальственным кабинетам циркуляр с наказом раскрыть по доброй воле сведения о личных доходах, в том числе, якобы, и заграничных счетах физлиц. Так это почище явки с повинной! Очередная ли затевается кампания? Как бы то ни было, репатриация “беглых денег” — жесткая экономическая необходимость, продиктованная кризисом, а обмороки владельцев счетов за “бугром” — пустая мелодраматическая подробность завязывающейся интриги.

Впрочем, все вышесказанное только пунктир возможной будущей антикризисной парадигмы, которая востребует совсем иной уровень государственного и бизнес-менеджмента. Не чета рутинному “складированию” впрок “лишних” миллиардов нефтедолларов.